

3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1937—1952.

4. Шенрок В. И. Н. В. Гоголь и пенсионеры Санкт-Петербургской Академии художеств в Риме в конце тридцатых и в начале сороковых годов.— «Артист», 1894, № 43.

*Кафедра русской литературы
Донецкого университета*

В. Д. Павличенко

Борьба Н. А. Добролюбова против официальной историографии

На протяжении всей литературно-критической деятельности Н. А. Добролюбов неизменно проявлял большой интерес к проблемам истории русской литературы. На это указывают в исследованиях Б. Бурсов [1, с. 329], В. Жданов [4, с. 96], А. Карганов [5, с. 73], В. Кружков [6, с. 492] и др. В их работах обстоятельно проанализированы добролюбовские статьи историко-литературного содержания: «Собеседник любителей русского слова» (1856 г.) и «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858 г.). Ряд других работ и рецензий Н. А. Добролюбова, в которых ставились и решались принципиальные проблемы развития русской историко-литературной науки, не привлекли еще внимания современных исследователей.

Известный интерес представляют некоторые работы Н. А. Добролюбова 1857—1858 гг., написанные «на подступах» к фундаментальным статьям, работы, где отчетливо проявляется его забота о судьбах историко-литературной науки, о молодых университетских кадрах — будущем русской историографии. С 1857 г. Добролюбов сотрудничал в журнале «Современник», на страницах которого и были опубликованы многие его статьи и рецензии. В те годы усилился интерес молодого критика к проблемам истории русской литературы. Примером этого является рецензия 1857 г. на «Сборник, издаваемый студентами императорского С.-Петербургского университета». В ней критиком дана итоговая оценка официальным студенческим работам, характер которых был достаточно хорошо ему известен. Проблематику «Сборника» Добролюбов рассматривал в связи с ведущими направлениями в официальной науке тех лет, каким тогда являлся библиографизм, к которому и примыкал университетский «Сборник». Его появлению предшествовали весьма шумные оповещения. Цель их — подчеркнуть общее значение

опубликованных в нем работ. «Сборник» должен был также показать «благонамеренное» содержание студенческих интересов. Не случайно он выходил под грифом «высочайшего одобрения» самого царя Александра II, разрешившего бесплатное печатание в одной из типографий «II отделения собственной его императорского величества канцелярии». Как видим, у «Сборника» была крепкая политическая «броня». Однако Добролюбов умел обращаться с коронованными «покровителями» наук, о чем мы знаем по статье о екатерининском «Собеседнике». Так было и на этот раз. Добролюбов полностью использовал «выходные» издательские данные «Сборника», его содержание и по достоинству оценил «вклад» в официальную науку.

Одновременно был затронут и другой актуальный вопрос: по каким же идеологическим путям пыталась направить академическая историография научные интересы студенчества?

В начале рецензии Добролюбов с нескрываемой иронией перечислил все те официальные инстанции, которые проходило издание: Совет университета, «разрешение г. Министра народного просвещения», а затем «студенческая редакция поступает под надзор одного из профессоров» университета. Лишь с ведома и «высокого» одобрения этих многочисленных «особ» могла в ту пору «продвигаться» студенческая наука.

Не удивительно поэтому, подчеркивает Добролюбов, что рецензируемый «Сборник», «как результат всего описанного выше движения», не оправдал возлагавшихся на него надежд. Составлен он был по уже отработанным канонам «библиографического направления»: за студентами-авторами числились такие достоинства, как трудолюбие, «знание источников и пособий», умение правильно подбирать данные» и т. п., но не было в нем свежих мыслей, истинно молодых дерзаний, которые только и приводят к реальным научным успехам. Полное отсутствие «плодотворных взглядов на науку» объясняется, говорит Добролюбов, этой «самой организацией издания, как она теперь установлена», многочисленными охранительными мерами, направленными против передовой науки.

Исполнительные профессора-чиновники постарались сразу же взять под опеку любознательных студентов, привить им «усидчивость и приметливость к мелочам», коими отличаются они сами. «В таком же роде,— отмечает Добролюбов,— дают труды и студентам: сличить два издания древнего памятника, подвести варианты к изданию по рукописи, сделать свод всех свидетельств, в которых упоминается такое-то имя, и т. п.» [3, т. 2, с. 96]. В итоге, говорит критик, университетская наука, вместо принципиального обзора исторической жизни страны и народа, сосредоточивает свои усилия на том, что означает «какой-нибудь аорист вместо прошедшего совершенного в каком-нибудь греческом источнике».

Аналогичная картина и в литературоведческой науке: «Вместо характеристики писателя представляют полное собрание до-

стоверных, но разноречащих свидетельств о том, какого числа он родился, на каком году написал первое стихотворение и на какой улице жил...» [3, т. 2, с. 96]. Все это частные наблюдения: они могут иметь значение лишь как вспомогательное средство, но ни в коем случае не должны становиться самоцелью. Подлинная наука призвана на основе точных и всесторонних исследований находить новые истины и открывать широкие горизонты. В университетах, если они хотят стать действительно источником научной мысли, студенчество «должно изучать философию науки... — считает Добролюбов. — Здесь должны господствовать дух и идея, а буква и все мелочи должны служить только для напоминания, и потом для проверки» [3, т. 2, с. 96]. Эти добролюбовские утверждения перекликаются с его положениями в статье о журнале «Собеседник», с его ранними стремлениями отстоять идейно-теоретические принципы демократической критики 40-х годов.

Именно эти «высшие взгляды» в науке требуют прежде всего «отчетливого убеждения, которое в изложении должно быть доведено до простоты и осязательности факта». По мнению Добролюбова, прогрессивные принципы, «высокие идеи» и должны определять магистральные пути научных исследований, должны быть руководством при обращении к фактическим данным. Деятель науки не может быть рабом фактов, он их хозяин, то есть собиратель, исследователь и истолкователь, а не жадный и бездумный накопитель. «Пора бы нашим библиографам понять, — писал он по этому поводу, — что их труды получают некоторое значение только при массе сведений и что отрывочные, мелкие указания вовсе и не стоит выпускать на божий свет затем только, чтобы они, затерянные в старых изданиях, еще раз затерялись в новых» [3, т. 2, с. 99]. Так было и с названным «Сборником».

Указывая на тематическую ограниченность и «библиографический» догматизм университетской науки, Добролюбов тем самым вел борьбу сразу по двум направлениям: во-первых, он подчеркивал необходимость подлинно перспективных, общетеоретических исследований, проводимых с позиции передовой методологии, и во-вторых, стремился вывести молодые научные силы из-под гнетущей официальной опеки, одной из конкретных форм которой был бы библиографизм.

Добролюбов прекрасно знал действительное положение студентов в стенах царских высших учебных заведений. Поэтому, раскрывая широкие философские горизонты в науке, отстраняя новые методологические принципы, он стремился приобщить к ним современную университетскую молодежь.

Надо отметить, что Добролюбов не перечеркивал библиографизма вообще, он стремился вывести его из трясины мелочей и охранительного догматизма на путь исследований идейно-прогрессивных явлений в русской литературе. И снова обыденные, даже заурядные факты литературных публикаций перерастали

в трактовке Добролюбова в проблемы научно-методологического характера.

Для молодого Добролюбова характерны принципиальная теоретическая последовательность и высокая методологическая требовательность. Это проявляется на каждом шагу, становится очевидным даже в сравнительно небольших заметках и рецензиях, которые не всегда привлекают внимание современных исследователей.

В январском номере «Современника» за 1858 г. помещена добролюбовская рецензия на «Руководство к изучению словесности и к практическому упражнению в сочинениях», составленное профессором Петербургской духовной семинарии М. Архангельским.

Названное «Руководство» должно было выполнять функции пособия по изучению русской литературы в «духовном учебном заведении». Другими словами, оно было еще одним средством идеологической «обработки» молодых умов в духе покорности и религиозности. Так, М. Архангельский пытался утверждать, что достоинства многих произведений (например, Байрона) обусловлены чтением их авторами святого писания. Составитель приводит тут же другой пример якобы благотворного «влияния священных книг и писаний церковных» на оды Ермила Кострова, поэта второй половины XVIII века. Способность Архангельского сопоставлять такие имена, ставить их в непосредственное соседство Добролюбов назвал «курьезнейшим примером смешения имен», очевидным методологическим пороком книжки. Революционный демократ смело осмеял несостоятельные потуги М. Архангельского доказать полезность обращения писателей к «писаниям церковным». Он выступил здесь против проникновения в теорию словесности церковно-религиозной догматики, и это одна из главных целей названной рецензии. В критике «Руководства» семинарского профессора Добролюбов пошел дальше: он ставил и решал вопросы большого методологического значения. Сама по себе заурядная книжка М. Архангельского не стоила бы такой развернутой оценки, отмечал сам критик. Но в ней, как и во многих подробных «пособиях», отчетливо выступал принципиальный методологический порок — эклектицизм. Именно по этому вопросу критик и ведет бой с «семинарским составителем».

Первое, что подчеркнул здесь Добролюбов, это авторскую «бесхарактерность воззрений». «Они означают, — пишет Добролюбов, — совершенное бессилие автора провести последовательно и строго какую-нибудь независимую теорию, выработать и применить к частностям какую-нибудь живую общую мысль» [3, т. 2, с. 178]. Образно сравнив теоретическую беспомощность М. Архангельского с плюшкинской хаотичной кучей, Добролюбов уличил его в отсутствии даже намека на систему взглядов. Какие-то «клочки разных теорий» механически перемешаны, а надерганные отовсюду цитаты сопровождаются в «Руковод-

стве» бесчисленными оговорками и словесными отступлениями. То же происходит и с произведениями русских классиков. Никакой попытки осмыслить творческий облик данного писателя, нет даже намек на понимание его истинного значения в историко-литературном процессе. У М. Архангельского рядом стоят Н. Греч и Л. Толстой, И. Давыдов и И. Гончаров. Подобное бессмысленное «примирение и наших и ваших» приводит к грубейшему нарушению элементарных принципов историзма, является признаком полной методологической несостоятельности.

Это явный эклектицизм, худшее явление в научном обиходе. Беспринципность «семинарского профессора» приводит к тому, что «в голове его чудным образом новое учение поместится рядом со старым, совершенно ему противоположным». Составителей такого типа Добролюбов сравнивает с сырым тестом, к которому все липнет, а хлеб из него уподобляет «совершенно неудобной смеси различных веществ, мирно лежащих здесь рядом, подобно различным теориям, сложенным рядом в каком-нибудь эклектическом руководстве...» [3, т. 2, с. 182].

Добролюбов пришел к выводу, что «эклектическое руководство» семинарского профессора не может ничего принести учащейся молодежи, кроме вреда, оно «способно лишь притупить и погубить всякую свежую, здоровую голову». Он прямо указывает на общую порочность подобной «духовной пищи»: «Из этого страшного извращения здоровой мысли и чистой человеческой логики происходит всякая безнравственность человеческая» [3, т. 2, с. 182]. Но церковно-словесное «Руководство» М. Архангельского имело еще одну негативную сторону: оно было замаскировано чисто внешним обращением к современной литературе. Это делалось с целью исказить ее, истолковать в духе консервативных взглядов. Поэтому и называл Архангельский имена писателей-реалистов: Гоголя, Гончарова, Толстого. «Вам нужно показать, — уличает Добролюбов семинарского фальсификатора, — что и вы от века не отстали, и вы к своим хрям прибавляете несколько новых взглядов» [3, т. 2, с. 182]. Ставя имена писателей-реалистов рядом с догматиками старой риторики, автор-церковник старался подчинить их произведения «духовным канонам» семинарских воззрений. Добролюбов решительно выступил против подобных попыток: «...Вы не только других сбиваете с толку, вы и сами беспрестанно сбиваетесь вследствие того, что все истины для вас не органическое, стройно и самобытно развивающееся целое, а кое-где сорванные разноцветные лоскутки, сшитые живыми нитками вашего эклектицизма» [3, т. 2, с. 182].

Так семинарский эклектицизм искажал историко-литературные принципы, усугублял претенциозные стремления воздействовать на молодые умы. А им-то прежде всего было необходимо «свободное, естественное изложение мыслей, сообразное со степенью развития ученика». Любознательной молодежи надо дать новое в науке, объяснить «самобытно развивающееся

целое» в жизни и в литературе, ее надо приобщить к «новому направлению» русской действительности. Вот основное требование, предъявляемое Добролюбовым к подлинно научным руководствам по словесности, требование, осуществляющееся в первую очередь самими критиками-демократами. Поэтому Добролюбов и не оставил без внимания одно из многочисленных выступлений семинарской псевдонауки, разоблачил ее теоретическую несостоятельность и полную методологическую беспомощность.

В заключении рецензии Добролюбов сделал меткий и показательный вывод: «Удивительно, как это всегда случается, что наши руководители всегда берутся учить нас именно тому, в чем сами еще очень слабы» [3, т. 2, с. 185]. Так в новогоднем номере «Современника» был нанесен еще один удар по реакционной, семинарской науке.

К оценке «Руководства по словесности» М. Архангельского Добролюбов вернулся еще раз в сравнительно небольшой рецензии, напечатанной также в 1858 г. в апрельском номере «Журнала для воспитания». Ссылаясь на уже опубликованные отзывы, он вновь подтвердил главный вывод, что «книга г. Архангельского труд бесполезный», никчемный, что сам автор очень «смутно и неопределенно» представляет себе суть науки о русской словесности. Кроме того, Добролюбов подчеркнул, что «отсутствие всякой основной идеи ясно обнаруживается в каждом отделе руководства г. Архангельского». Профессору из столичной семинарии явно «недостает твердого, установившегося взгляда на свой предмет, ...у него нет никакой основной идеи, которой бы подчинились все частные выводы и суждения» [3, т. 2, с. 375—376].

Критик указывает, что М. Архангельский совершенно не понимает или не хочет понимать состояния современной литературы, смешивая самые элементарные литературоведческие истины. Полная абсурдность его представлений наглядно подтверждается, например, мнением о том, что «ученая критика основана у нас гг. Иваном Давыдовым и Шевыревым». Имя Белинского здесь не упомянуто.

«Кажется, по здравому человеческому смыслу, при некоторой только скромности, — обобщает Добролюбов, — трудно взяться за составление целой системы учения о таком предмете, которого сам не понимаешь» [3, т. 2, с. 376]. Но «С.-Петербургской духовной семинарии профессор магистр Михаил Архангельский», да не только он, но и многие ему подобные, берутся, однако, составлять «Руководства к изучению словесности» и поучать применению ее к «практическому упражнению в сочинениях». Добролюбов прямо говорит, что от таких «руководств», составленных невеждами-магистрами, страдают учащиеся, страдают и учителя, которые вынуждены к ним обращаться, не имея никаких других. «Объяснение этого грустного факта, — подчеркивает далее Добролюбов, — надобно искать

в самом положении наших учителей и в степени их подготовленности к своему делу» [3, т. 2, с. 376].

Так вновь, казалось бы, третьестепенный вопрос об оценке заурядного семинарского «Руководства по словесности» перерастал в трактовку Добролюбова в острую общественную проблему, в критику положения учителей в самодержавной России.

Эклектицизм и невежество, догматизм и реакционные семинарские понятия были в руках царских чиновников средством идеологического порабощения учащейся молодежи. Поэтому Добролюбов не оставлял без внимания подобные проявления консервативных взглядов, разоблачал их фактическую несостоятельность и полную методологическую порочность. В этом — значение рассмотренных работ 1857—1858 гг., сыгравших большую роль в борьбе Добролюбова за новые научно-теоретические истины.

Таким образом, уже в те годы критика-демократа Н. А. Добролюбова глубоко волновали судьбы русской науки, не покидали заботы о формировании нового поколения в изучении истории отечественной литературы, поколения, которое он стремился вооружить прогрессивными методологическими принципами.

Л и т е р а т у р а

1. Бурсов Б. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М., ГИХЛ, 1953.
2. Н. А. Добролюбов — критик и историк русской литературы. Сб. статей. Изд-во Ленинград. ун-та, 1963.
3. Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М.—Л., ГИХЛ, 1961—1964.
4. История русской критики. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
5. Караганов А. Чернышевский и Добролюбов о реализме. М., «Советский писатель», 1955.
6. Кружков В. Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., Госполитиздат, 1950.

*Кафедра русской и зарубежной литературы
Симферопольского университета*

Г. А. Васильева

Пометки В. Г. Короленко на страницах Дневника А. И. Герцена

Имя А. И. Герцена в сочинениях В. Г. Короленко встречается редко. В «Истории моего современника», рассказывая о воздействии художественной литературы на молодежь его поколения, Короленко называет Белинского, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Добролюбова, Достоевского, Гончарова, даже Златовратского,